

О.Б. Бубенок

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У СТЕН САРКЕЛА – БЕЛОЙ ВЕЖИ (ОТНОСИТЕЛЬНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ)

Еще несколько десятилетий назад исследователь Саркела – Белой Вежи М. И. Артамонов отметил, что уже с самого начала население этой хазаро-древнерусской крепости на Нижнем Дону состояло из двух этнографических групп. Относительно принадлежности оседлой группы населения, которая проживала в западной, наиболее доступной части крепости, к салтовской культуре особых сомнений не было [Артамонов, 1962, с. 307]. Что же касается второй группы, которая располагалась в восточной, наименее доступной, части крепости, то эта группа населения, по мнению исследователя, продолжительное время сохраняла пережитки кочевого быта. М. И. Артамонов считал, что эти кочевники составляли военный гарнизон крепости и могли оставить после себя, в отличие от салтовцев, не грунтовой, а курганный могильник. Исследователь высказал мнение, что эта часть населения Саркела состояла из принятых на службу к хазарам гузов и печенегов [Артамонов, 1962, с. 308, 312].

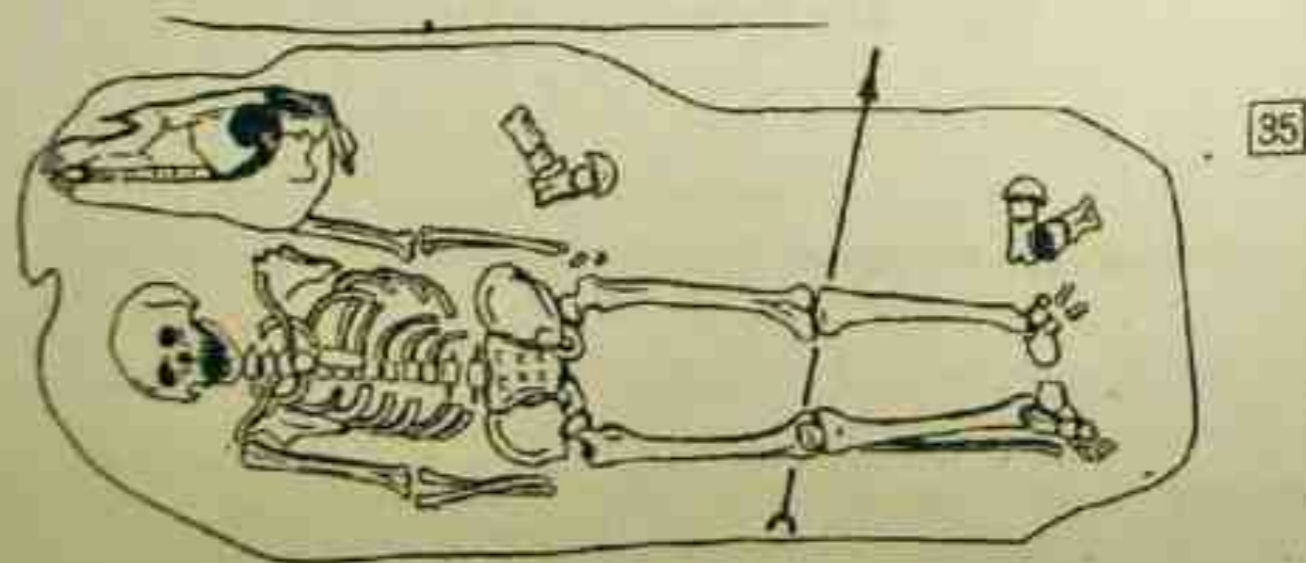

Рис. 1. Захоронение чучела коня рядом покойником в могильной яме под насыпью кургана № 35 в восточной части могильника (по данным С. А. Плетневой)

Однако уже самому М. И. Артамонову такое предположение о происхождении гарнизона Саркела показалось весьма зыбким. И поэтому он попытался связать это раннее население Саркела с самими хазарами. При этом исследователь подчеркнул, что археологическая культура хазар неизвестна. Именно это и позволило ему усомниться и в хазарской версии происхождения гарнизона Саркела. Поэтому М. И. Артамонов предположил, что "гарнизон Саркела состоял не из хазар или болгар, а из находившегося на службе у хазарского царя какого-то тюркского племени, по этнографическим признакам близкого к гузам или печенегам". М. И. Артамонов подчеркнул, что основу гарнизона не могли составлять и ал-арсии, исповедывавшие ислам и исполнявшие обряд погребения по мусульманской обрядности, ибо "ничего подобного в могильнике гарнизона Саркела не наблюдается". Несмотря на это, М. И. Артамонов был уверен в том, что наиболее ранние подкурганные захоронения вблизи хазарского Саркела были оставлены теми кочевниками, которые составляли гарнизон крепости. Таким образом, если следовать логике исследователя, то Саркельский курганный могильник мог возникнуть уже в первой половине IX в. [Артамонов, 1962, с. 308, 312].

Наибольшее же внимание Саркельскому курганному могильнику уделила в своих работах С. А. Плетнева, выводы которой уже существенно отличались от предположений М. И. Артамонова. Так, в своей специальной статье, вышедшей еще в 1963 г., исследователь отметила: "При изучении инвентаря бросается в глаза то, что в нем не встречено ни одной вещи, выходящей за рамки конца IX–XI вв. Все наиболее характерные вещи из могильника находят себе аналогии в хазарском или славянском слях городища и на Беловежском кладбище. Это обстоятельство свидетельствует об одновременном существовании могильника и городища" [Плетнева, 1963, с. 258]. Что же касается этнической атрибуции погребенных на курганном могильнике, то С. А. Плетнева, как и М. И. Артамонов, придерживалась того мнения, что "в основном могильник представляет собой памятник, оставленный двумя народами – печенегами и торками (гузами)" [Плетнева, 1963, с. 259]. Касаясь характера взаимоотношений кочевых печенегов и торков с жителями города, С. А. Плетнева высказала мнение, что "окружавшие Саркел – Белую Вежу кочевники также, вероятно, являлись вассалами города – этим объясняется необычная близость могильника к

городу невозможная в случае, если бы кочевники были враждебны ему» [Плетнева, 1963, с. 258].

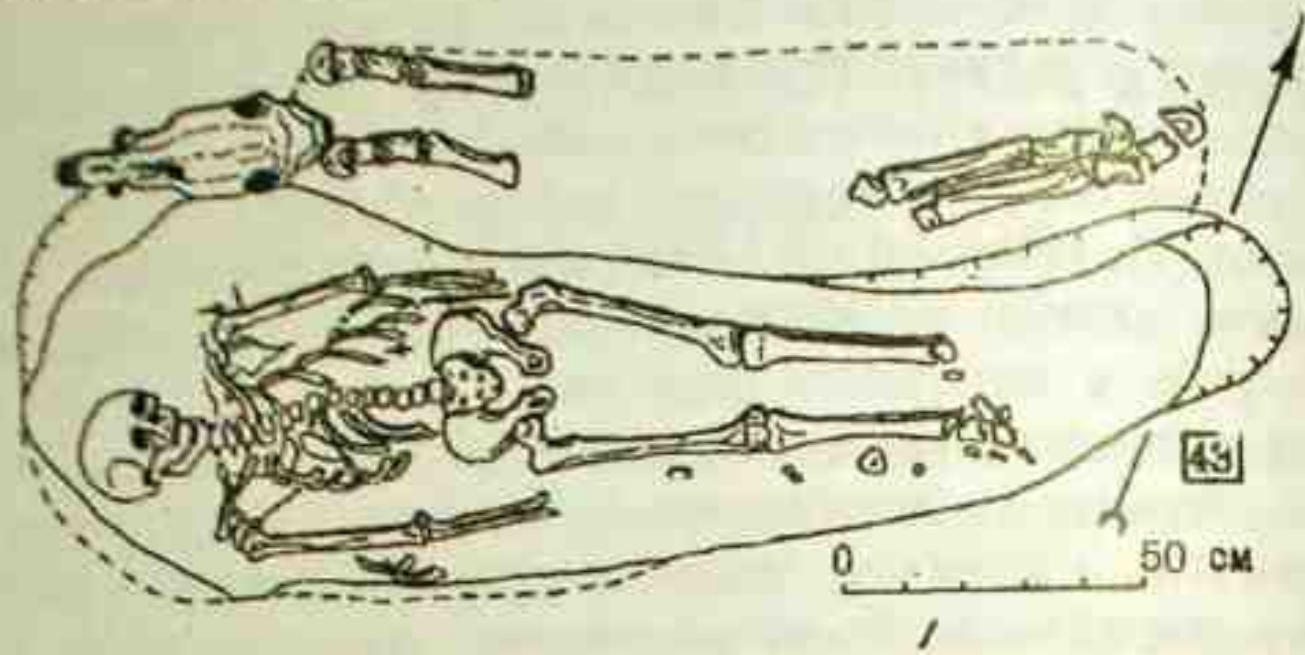

Рис. 2. Захоронение останков коня на приступке выше покойника под насыпью кургана № 43 в западной части могильника (по данным С. А. Плетневой)

Однако со временем мнение С. А. Плетневой несколько изменилось, что нашло отражение в ее отдельной монографии "Печенеги и гузы на Нижнем Дону", вышедшей в 1990 году. Там, в частности, исследователь отметила, что "кочевнический курганный могильник возник, видимо, как и кладбища на насыпях-холмах, после взятия Саркела Святославом" [Плетнева, 1990, с. 95]. Что же касается происхождения кочевников, оставивших курганный могильник вблизи Белой Вежи, то С. А. Плетнева существенно не изменила своего мнения: «... печенежское соединение, кочевавшее в окрестностях Саркела, пополнилось выходцами из огузских племен. Произошло "воссоединение" печенегов и огузов на новой занятой ими земле – в Нижнем Подонье. Этот процес сложения в восточно-европейских степях печенега-огузской коалиции удалось, как мне кажется, проследить на частном конкретном примере – на беловежском курганном могильнике» [Плетнева, 1990, с. 95]. Само появление печенегов в окрестностях Саркела С. А. Плетнева отнесла к рубежу IX–X вв. и объяснила это следующим образом: "Столкнувшись с кочевьями печенегов, хазарский каган, естественно, решил предельно обезвредить их, приняв на службу для борьбы с ревавшими в степи венграми..." [Плетнева, 1990, с. 95]. Что же касается происхождения более поздних кочевников, находившихся в окрестностях Белой Вежи в конце X – начале XI вв., то в одной

из своих последних монографий "Древнерусский город в кочевой степи" С. А. Плетнева отметила, что в городе служил гарнизон, состоявший "из двух народов – печенегов и гузов" [Плетнева, 2006, с. 245].

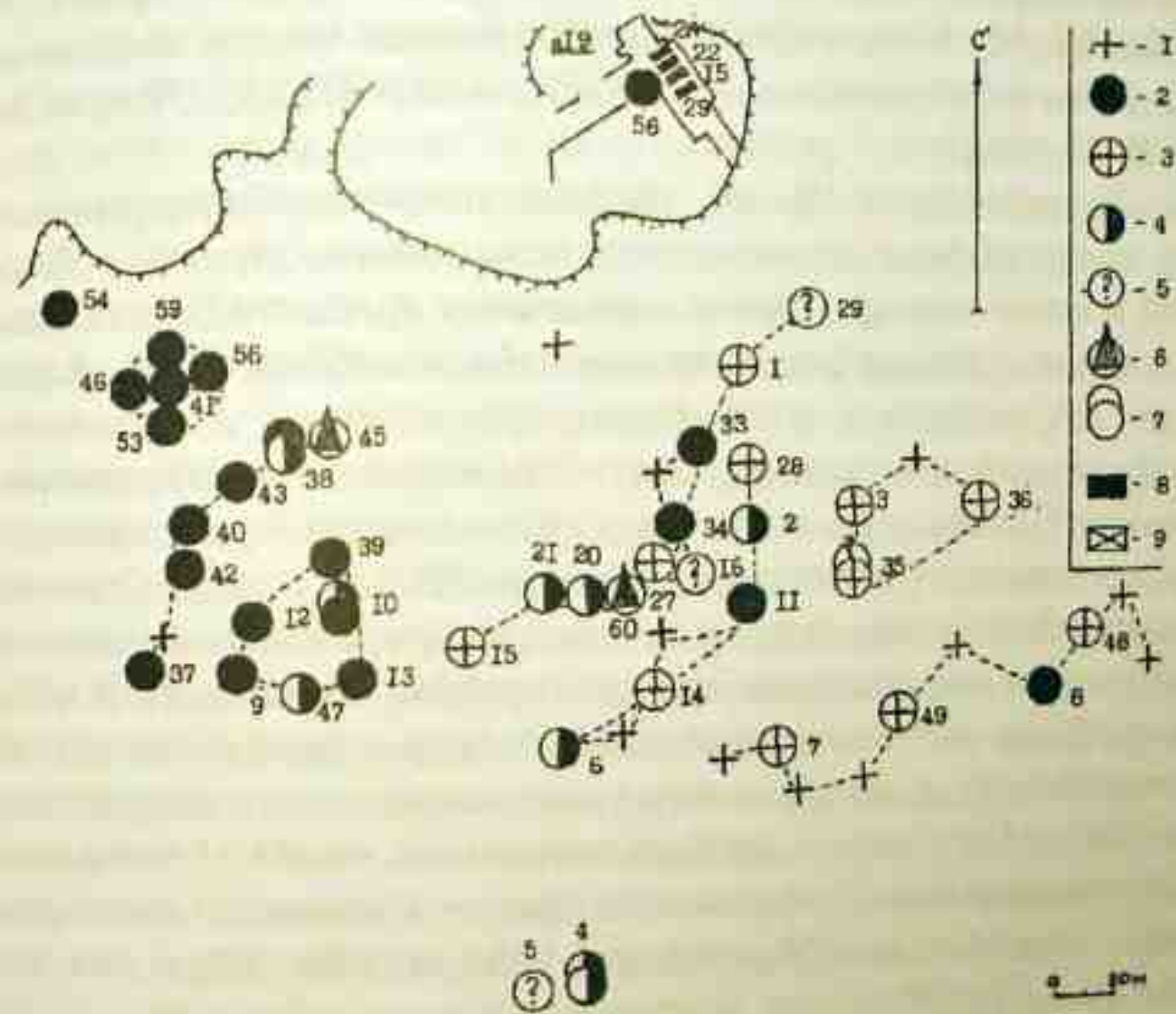

Рис. 3. План курганного могильника вблизи Саркела и распространение на нем основных антропологических типов (по данным С. А. Плетневой):

- 1 – нераскопанные курганы; 2 – курганы с захоронениями европеоидов; 3 – курганы с захоронениями монголоидов; 4 – курганы с захоронениями людей смешанного типа; 5 – курганы с антропологически неопределимыми погребениями; 6 – курганы с захоронениями останков коней (кенотафы); 7 – курганы с впускными захоронениями; 8 – погребения европеоидов в насыпи 19; 9 – погребение монголоида в насыпи 19

Выводы С.А. Плетневой оказались убедительными для многих исследователей. Так, Г. Н. Гарустович и В. А. Иванов в своей монографии "Огузы и печенеги в евразийских степях" в частности

отметили: "С. А. Плетнева, анализируя кочевнический курганный могильник у Саркела – Белой Вежи, приходит к выводу о его смешанном, огузо-печенежском происхождении. С этим трудно не согласиться, поскольку все погребения с конскими захоронениями данного могильника четко распадаются на две этнокультурные группы: огузскую (захоронение коня над человеком – кург. 5, 16, 45, 47, 48, 54, 56, 19/1) и печенежскую (остатки шкуры коня на дне могилы слева от человека – кург. 8, 21, 34, 35, 37, 53)" [Гарустович, Иванов 2001, 113].

Г. Н. Гарустович и В. А. Иванов наличие биритуальности погребального обряда на курганном могильнике Саркела – Белой Вежи объясняют тем, что после завоевания крепости Святославом в 965 г. печенеги продолжали своими набегами беспокоить Нижнее Подонье. Последствия этого были однозначны: "... появление огузов, выступавших, как считают современные исследователи, союзниками Святослава в его хазарском походе, представляется вполне логичным" [Гарустович, Иванов 2001, с. 113]. При этом исследователи отметили: "А если учесть, что Саркельский могильник – единственное место концентрации огузских погребений X–XI вв. на Нижнем Дону, то предположение М. И. Артамонова о присутствии кочевнического гарнизона выглядит вполне реальным" [Гарустович, Иванов 2001, 113]. Однако уже было отмечено, что М. И. Артамонов относил подкурганные захоронения вблизи Саркела к хазарскому времени, т. е. к IX–X вв. [Артамонов, 1962, с. 308, 312], а не к X–XI вв.

В результате так и не ясно, когда и как возник Саркельский курганный могильник – в IX или X вв.? Не понятно также, где могли хоронить своих умерших кочевники, которые, по мнению некоторых исследователей, могли изначально составлять гарнизон Саркельской крепости в IX в.? Кроме того, так и не ясно, когда и при каких обстоятельствах впервые появились у стен Саркела печенеги? Нельзя, конечно же, игнорировать тот факт, что курганный могильник вблизи Саркела – Белой Вежи был оставлен местными кочевниками – печенегами и гузами, имевшими определенные отношения с жителями города. Поэтому так и не ясен сам характер этих контактов. Кроме того, имеются определенные проблемы с этнической атрибуцией самих кочевнических захоронений, ибо существующая на сегодня схема не совсем вписывается в исторические реалии. Поэтому имеет смысл снова обратиться к

материалам кочевнического могильника Саркела – Белой Вежи, которые были детально проанализированы и опубликованы С.А. Плетневой. В данной ситуации для сравнительного анализа необходимо привлечь сведения письменных источников.

Данные некоторых письменных документов позволяют считать, что уже в хазарский период отдельные группы печенегов могли поселиться вблизи Саркела. Так, анонимный автор компилятивного трактата "Худуд ал-'Алам" отмечает существование на территории Хазарского государства в X в. особых "хазарских печенегов", которые проживали на север от северокавказских аланов: "На восток от них горы хазар; на юг от них аланы; на запад от них море Гурз (Азовское. – О. Б.); на север от них страна Мирват" [Minorsky, 1937, p. 160]. Современные исследователи единодушны во мнении, что владение данной группы печенегов доходило до хазарского Саркела. Примечательно, что мусульманские авторы, описывая события первой половины X в., ни разу не упоминают печенегов в районе Саркела. Информация о "хазарских печенегах" содержится лишь в компилятивном трактате "Худуд ал-'Алам", написанном уже в конце X в. Само появление печенегов в степях Азовско-Каспийского междуморья анонимный автор этого географического произведения описывает следующим образом: "Они в древности были сборищем из печенегов турецких, пришли сюда, овладели силой этой областью и здесь поселились. Они владеют палатками, шатрами, (всяким) скотом и баранами. Они переходят с места на место в этой области в зависимости от пастбищ, находящихся в хазарских горах; хазарские пленники, попадающие в мусульманские области, большею частью происходят отсюда" [Худуд ал-'Алам, 1930, с. 31]. Таким образом, имеются основания считать, что часть печенегов могла силой захватить территорию вблизи Саркела лишь в период значительного ослабления Хазарского каганата – в середине X в. Упоминание автором "Худуд ал-'Алам" "тюркских печенегов" позволяет видеть в этих переселенцах одно из племен печенегов причерноморских. О. Прицак считал, что этими племенами "хазарскими печенегами" стало приазовское печенежское племя Воротолмат [Pritsak, 1976, p. 14].

С. А. Плетнева с пребыванием печенегов возле Белой Вежи связала именно западный участок кочевнического могильника (19 насыпей), для погребений которого были присущи следующие черты: 1) "под каждой насыпью в неглубокой могиле был похоронен

на спине с руками вдоль туловища, ориентированный головой на юго-запад один умерший"; 2) „основная часть погребенных европеоиды-брахикраны"; 3) „преобладал обычай укладывать останки коня (чучело из головы, ног, отчлененных по пятый сустав, и шкуры) рядом с покойником"; 4) „пользовались жесткими удилами без перегиба" [Плетнева, 2006, с. 245]. Вопрос в том, действительно ли эти особенности погребального обряда имеют отношение к печенегам?

Относительно происхождения этих подкурганых погребений С. А. Плетнева еще в своей публикации 1963 г. высказала довольно важное предположение: «В IX – в начале X в. это были, по всей вероятности, печенежские роды, вышедшие из среды так называемых „хазарских печенегов", кочевавших в Приазовье. В русский период существования кочевническое, вассальное городу объединение продолжало существовать. Вполне вероятно, что оно пополнялось новыми родами гузов-торков, хлынувших во второй половине X в. в южнорусские степи. Европеоидность большинства погребенных не противоречит высказанной гипотезе. Абу-Дулеф, описавший печенегов со слов очевидцев, отмечает их типично европеоидные черты – „это люди длиннородые, усатые"» [Плетнева, 1963, с. 258]. В своем мнении о европеоидности большинства погребенных на западном участке кочевнического могильника вблизи Саркела С. А. Плетнева следовала выводам Л. Г. Вуич. Последняя отнесла этих европеоидов-брахикранов к типу „среднеазиатского междуречья" (САМ). Вследствие этого было сделано довольно важное наблюдение: „Черепка кочевников европеоидной группы обнаруживают несколько большее сходство с черепами сарматских времен... Наиболее близкими из последних являются черепа так называемой „астраханской группы", выделенные Г. Ф. Дебецом, а также сарматские черепа Подонья из курганов, расположенных вблизи Саркела – Белой Вежи". В этом исследователь видел результат ассимиляции тюрками-кочевниками племен сарматского происхождения как в Средней Азии, так и в южнорусских степях [Вуич, 1963, с. 433–439]. Тем не менее, эти процессы происходили до того, как печенеги поселились рядом с Саркелом.

Происхождение же подкурганых захоронений Белой Вежи в древнерусский период до сих пор остается предметом дискуссии. Обычно исследователи связывают их с огузами-торками. Однако ситуация выглядит более сложной. Необходимо учитывать, что

данные письменных источников позволяют считать, что в XI–XII вв. кочевья огузов-торков действительно могли находиться в Нижнем Подонье, т. е. вблизи Белой Вежи.

Так, в своем сочинении „Дивану лугат ит-тюрк", написанном в 466 г. хиджры (1072/1073 гг.), Махмуд Кашгарлы отнес печенегов и огузов к числу тюркских народов. При этом мусульманский автор, описывая географическое положение тюркских народов, учел реалии второй половины XI в.: „Самым близкорасположенным к Византии тюркским племенем являются печенеги, далее к востоку идут племена кыфчак/кипчак, огуз..." [Махмуд, 1992, с. 28]. В соответствии этому данные древнерусских летописей свидетельствуют, что еще в начале XII в. отдельные группы печенегов и огузов, известных на Руси под именем торков, проживали в окружении половецких племен вблизи от Дона.

Это стало возможным лишь при наличии союзнических отношений князей Руси и ханов торков-огузов. По крайней мере, под 1116 г. „Повесть временных лет" описывает конфликт, который возник между половцами с одной стороны, торками и печенегами – с другой стороны, где на помощь последним пришел киевский князь Владимир Мономах: „В се же лето билася с Половци и с Торки и съ Печенеги у Дона, и секошася два дни и две нощи, и придоша в Русь к Володимиру Торци и Печенези". Вследствие незатухающего конфликта в следующем 1117 г. „придоша Беловежьци в Русь" [Повесть временных лет, 1950, с. 472–473]. Исследователи единодушны во мнении, что эти переселенцы в XII в. дополнили ряды вассальных к киевским князьям „Черных Клобуков", основной костяк которых составляли торки-огузы, часть из которых продолжала оставаться в степях Северного Причерноморья в половецкий период.

Тем не менее, следует обратить внимание на наблюдения С. А. Плетневой по этому поводу, в соответствии с которыми „Доном" в древнерусских летописях называли не только современный Нижний Дон, а и Северский Донец, который впадает в Дон [Плетнева, 1990, с. 92]. Таким образом, это сообщение позволяет допускать и возможность того, что летопись под 1116 г. упоминает печенегов и торков, которые могли проживать также в бассейне Северского Донца. Именно накануне, в этом же 1116 г., Ярополк, сын Владимира Мономаха, осуществил поход против половцев на „Дон", вследствие чего: „... ту взя полон мног и города пойма Половецкие, Галин, Чешуев, Сутров; и Ясы поймав с собою

приезде, и жену полони себе Ясыню" [Воскресенская..., 1856, с. 24; Ипатьевская..., 1843, с. 7, 8, 291; Московский..., 1949, с. 24; Патриаршая..., 1862, с. 150.]. Большинство исследователей единодушны во мнении, что поход 1116 г. стал причиной упадка алано-половецких центров, которые находились в верхнем течении Северского Донца, в непосредственной близости от границ древнерусских княжеств, а христианское население этих городов было переселено на Русь для обороны южных рубежей от нападений половцев [Костомаров, 1872, с. 186; Ляскоронский, 1897, с. 322.]. Данные топонимии свидетельствуют, прежде всего, о наличии печенежских названий на территории Харьковской обл. (с. Печенеги) и торческих – на севере Донецкой обл. именно в бассейне Северского Донца [Шрамко, 1962, с. 321.]. Следовательно, это может доказывать то, что печенежско-торческое население проживало в этом районе довольно продолжительное время и могло сохраняться здесь и в половецкий период вплоть до походов Ярополка и Владимира Мономаха в 1116 г. Как-то удивительно выглядит версия, в соответствии с которой отдаленные от бассейна Донца печенеги и торки Нижнего Дона пришли на Русь в 1116 г., а беловежцы переселились на Русь лишь в следующем 1117 г., то есть получается, что торки с печенегами и беловежцы не составляли одно целое. Поэтому создается впечатление, что поход Ярополка в 1116 г. на Донец и переселение в этом же году торков и печенегов на Русь – это звенья одной цепи событий. Не исключено, что до 1116 г. отдельные роды печенежского и торческого происхождения продолжали сохраняться на Донце близ половецких центров Шарукань (Чешуев), Сугров и Балин, которые захватил Ярополк. Это поражение придонских половцев могло подтолкнуть к восстанию против последних поработанных ими местных печенегов и торков. Дальнейшее развитие событий могло заставить киевского князя Владимира Мономаха вмешаться в конфликт в намерении решить за счет отселения вассалов половецких ханов – торков и печенегов – две задачи: 1) ослабить потенциал половцев на границе с Русью; 2) усилить военное присутствие на пограничных со степью рубежах Южной Руси. Необходимо указать, что такая ситуация произошла с придонскими аланами-ясами. И лишь после этих событий у киевского князя появилась реальная возможность переселить жителей Белой Вежи на Русь, так как этот древнерусский город уже давно оказался во враждебном половецком окружении.

Однако данные некоторых письменных источников позволяют также считать, что печенеги и торки в хазарский и половецкий период могли проживать и на Нижнем Дону. Как уже отмечалось, анонимный автор "Худудал-'Алам" в конце X в. упомянул "Хазарских печенег", которые проживали на север от северокавказских аланов [Худуд ал-'Алем, 1930, с. 31]. Кроме того, "Повесть временных лет" сообщает, что в 965 г. киевский князь Святослав захватил хазарскую крепость Саркел, известную на Руси как Белая Вежа [Воскресенская..., 1856, с. 287; Ипатьевская, 1843, с. 246]. В то же время, Ибн Мискавейх сообщает, что в 965 г. "тюрки"-огузы также напали на Хазарию, т. е. они изначально выступили как союзники Руси [Якубовский, 1926, с. 64, 69-70]. Следовательно, город Белая Вежа с конца X в. по середину XI в. мог являться совместным владением Руси и огузов-торков. Именно это предполагает присутствие не только славяно-русского, но и торческо-печенежского компонента в этом степном городе. При этом маршруты кочевий печенегов и торков могли проходить вблизи Белой Вежи. С изменением политической ситуации во второй половине XI в. город Белая Вежа и кочевавшие возле нее печенеги и торки могли попасть в политическую зависимость от половцев.

Результаты археологических раскопок свидетельствуют о том, что в древнерусский период вблизи Белой Вежи продолжал функционировать курганный могильник, существование которого имеет смысл связывать с пребыванием здесь торков-огузов и печенегов. Этот некрополь был расположен на север и на северо-запад от христианского кладбища. Всего было раскопано 41 курган, из которых 9 не содержали погребений людей (кенотафы), в отличие от остальных курганов. Практически было раскопано 53 погребения кочевников вблизи Саркела – Белой Вежи, хотя данные о 10 из них практически не сохранились. Погребения там в основном осуществлялись в могильных ямах под небольшими земляными насыпями, хотя иногда встречались и впускные погребения. Исходя из наличия или отсутствия инвентаря в погребениях и особенностей погребального обряда, С. А. Плетнева разделила захороненных на курганном могильнике кочевников на пять социальных групп [Плетнева, 1963, с. 216–240; Плетнева, 1990, с. 5–41]. Тем не менее, еще до сих пор существует проблема с определением этнической принадлежности населения, которое оставило после себя кочевнический курганный могильник вблизи Саркела – Белой Вежи.

В одной из последних монографий С. А. Плетневой, посвященных Белой Веже, дано следующее этнокультурное определение местного кочевого населения: „Заметно отличаются от беловежских погребений захоронения кочевников, совершенные под курганными небольшими земляными насыпями, расположенные южнее беловежского кладбища в непосредственной близости от него. Под каждой насыпью в неглубокой могиле был похоронен на спине с руками вдоль туловища, ориентированный головой на юго-запад один умерший. Все антропологические определения на этом могильнике произведены Л. Г. Вуич. Основная часть погребенных европеоиды-брахикраны (51%), но довольно большое количество относилось к монголоидному (20%) типу. Почти полностью раскопанный участок этого довольно обширного могильника разделен нейтральной полосой, не занятой курганами, на две части: в западной преобладали европеоиды, в восточной – монголоиды и смешанные. Различия этих групп не только антропологические. Хорошо прослеживается и разница погребального обряда, и некоторые различия сопровождающего инвентаря. В первой группе преобладал обычай укладывать остатки коня (чучело из головы, ног, отчлененных по пятой сустав, и шкуры) рядом с покойником. Во второй группе коня клали выше покойника – на приступку или прямо над умершим. Существенно отметить и различия в форме удила: в первой группе пользовались жесткими удилами без перегиба, а во второй удила обычные – двухсоставные с перегибом. ... Собранные воедино, эти факты явно свидетельствуют о принадлежности могильника двум народам, периодически смешивавшимся между собой. Общая дата могильника, судя по находкам, конец X – XI века. Именно в это время в Белой Веже служил гарнизон, состоявший... из двух народов – печенегов и гузов. Первые были европеоиды-брахикраны (близкие САМ), вторые – монголоиды южносибирского типа” [Плетнева, 2006, с. 245]. Тем не менее, анализ материалов этого кочевнического могильника, опубликованный и проанализированный раньше в работах самой С. А. Плетневой, не позволяет до конца согласиться с ее же недавними выводами!

Во-первых, это касается погребального обряда. Необходимо указать, что захоронения чучела коня рядом с покойником в могильной яме (рис. 1) встречаются в обеих курганных группах в обратной последовательности: немного в западной (европеоиды-брахикраны), например в кургане № 54; и довольно часто в восточной (монголоиды

и смешанные) под насыпями курганов №№ 5, 8, 16, 35, 48, 60 и т. д. Ситуация с погребением чучела коня, расположенного выше могильной ямы на приступке (рис. 2), выглядит следующим образом: западная группа (европеоиды) – курганы №№ 37, 40, 41, 43, 53, 45 и т. д.; восточная группа (монголоиды и смешанные) – курганы №№ 21, 34 и т. д. [Плетнева, 1990, с. 5–26, 73–78]. Таким образом, ситуация выглядит наоборот: для западной группы было присуще преобладание тех погребений, где коня клали выше покойника – на приступке (рис. 2); в восточной группе преобладали те погребения, где в могильной яме рядом с покойником были положены остатки коня (рис. 1), хотя иногда встречались погребения первого типа. И что очень важно, в Белой Веже совсем не встречаются подкурганные погребения, обряд которых соответствуют данным Ибн Фадлана о похоронах гуза: деревянное перекрытие над могильной ямой, на которой растягивали шкуру убитого коня [Ковалевский, 1956, с. 129].

Во-вторых, вызывает некоторые возражения стремление связывать монголоидов во второй (восточной) группе курганов именно с огузами. В связи с этим следует вспомнить сделанный Л.В. Ошаниным несколько десятилетий назад вывод, согласно которому уже в X в. „гузы были ярко выраженными долихоцефалами” [Ошанин, 1926, с. 121], то есть они были такими же европеоидами, как и северокавказские аланы. Следует также отметить, что среди погребений восточной группы курганного могильника встречались не только монголоиды южносибирского типа, но и носители смешанного европеоидно-монголоидного типа, а также и европеоиды-брахикраны, как на западном могильнике [Плетнева, 1990, с. 73–78]. Таким образом, на западном могильнике видим чистых европеоидов-брахикранов, а на восточном – пестрое в антропологическом аспекте население, где присутствуют также те же самые европеоиды-брахикраны.

В-третьих, так и не ясно до конца время существования курганного могильника возле Саркела – Белой Вежи. Как уже отмечалось, М. И. Артамонов высказал предположение, согласно которому гузы и печенеги были приняты на службу еще самим хазарским каганом и составляли воинский гарнизон Саркельской крепости, проживали в восточной, наименее доступной, части саркельской крепости и оставили после себя курганный могильник, т. е. могильник крепости датировался исследователем IX–X вв. [Артамонов, 1962, с. 308, 312].

Больше всего внимания этому вопросу уделяла в своих исследованиях С. А. Плетнева. Так, более сорока лет тому назад в своей первой публикации по этому курганному могильнику исследователь отметила следующее: „При изучении могильного инвентаря бросается в глаза то, что в нем не встречено ни одной вещи, выходящей за пределы конца IX – XI ст. Все наиболее характерные вещи из могильника находят себе аналогии в хазарском или славянском слоях городища и на Беловежском кладбище. Эти обстоятельства свидетельствуют об одновременности существования могильника и городища” [Плетнева, 1963, с. 240–258]. Тем не менее, с течением времени, на основе привлечения более широких аналогий, С. А. Плетнева в определенной степени изменила свое мнение. В своей книге “Печенеги и гузы на Нижнем Дону”, которая увидела свет в 1990 г., она указала следующее: “Рассмотрев все датированные аналогиями вещи в могильнике, мы можем, во-первых, довольно точно отнести этот памятник к узкому хронологическому периоду: X–XI вв., во-вторых, датировать отдельные комплексы и, в-третьих, попытаться разделить комплексы на хронологические группы... Разделение комплексов на хронологические группы является свидетельством того, что кочевнический могильник, расположенный у подножия беловежского кладбища, возник отнюдь не одновременно, а существовал на протяжении не менее чем полутора-двух веков” [Плетнева, 1990, с. 56–57]. Однако в своей последней монографии, посвященной Белой Веже, С. А. Плетнева значительно сузила дату существования кочевнического могильника возле Белой Вежи. “Общая дата могильника, судя по находкам, конец X – XI вв.” [Плетнева, 2006, с. 245]. Итак, наибольший интерес представляет время начала функционирования могильника, которое варьируется от конца IX в. до конца X в. Хотя наиболее поздние погребения относятся к XII в. и могут быть связаны не только с печенегами и торками, но и с половцами, которые заселили Белую Вежу на несколько десятилетий позже 1117 г. Тем не менее, необходимо учитывать то, что погребения, которые датируются инвентарем IX–X вв., находятся в курганах обеих групп: в восточной (монголоидный и смешанный типы) группе – курганы № 2, 7, 18, 49; в западной (европеоиды-брахикраны) – курганы № 39, 56, 10. Аналогичная ситуация существует с погребениями, которые датируются инвентарем X–XI вв.: в восточной группе – кур. № 1, 3, 8; в западной

группе – 37, 45, 59, 40, 41, 47 [Плетнева, 1990, с. 43–56]. Таким образом, имеются основания полагать, что обе территориальные группы курганного могильника возникли по крайней мере в X ст. Тем не менее, непонятно, сосуществовали ли они все время, или были изначально асинхронными?

Необходимо обратить внимание на то, что в западной группе могильника курганов было значительно меньше, чем в восточной (рис. 3). К западной группе отнесли курганы №№ 9, 10, 12, 13, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 47, 46, 53, 56, 54, 56, 59 – всего 19 насыпей. В восточной группе было насчитано 33 курганных насыпи – №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 11, 14, 15, 16, 20, 21, 27, 28, 29, 33, 34, 35, 36, 48, 49, 60, и т. д. [Плетнева, 1990, с. 73–77]. Создается впечатление, что восточная группа функционировала более длительный период, чем западная. То есть можно вести разговор о том, что эти курганные группы не могли все время быть синхронными. Следовательно, если учитывать исторические реалии, то имеются основания полагать, что в курганах западной группы, которую связывают с печенегами, могли хоронить покойников лишь на протяжении второй половины X – начала XI вв. Восточная группа, которую связывают с торками, должна была функционировать, в соответствии с сообщениями древнерусских летописей о Белой Веже, с 965 г. по 1117 г., т. е. больше ста лет. Наличие в восточной группе подкурганных захоронений европеоидов-брахикранов с останками коня на приступке выше могильной ямы, как в западной группе, может свидетельствовать о том, что с приходом торков печенеги с течением времени начали хоронить своих покойников в восточной части могильника. В то же время вполне возможно, что торки изначально, но непродолжительное время, могли использовать западный участок могильника, что подтверждает наличие некоторых захоронений, где чучело коня находилось в могильной яме рядом с покойником (кург. № 54, 56). Следовательно, в конце X в. или в начале XI в. восточный участок могильника стал постоянным общим кладбищем для двух родовых групп, одна из которых имела печенежское, а вторая – торческое происхождение. Это должно было привести к прекращению функционирования западного участка могильника.

Довольно интересно, что присущее для западной группы преобладание подкурганных захоронений, где коня клали выше покойника – на приступке (рис. 2), по наблюдениям С. А. Плетневой, получило распространение в севернопричерноморских степях в X–

в начале XI в., т. е. в печенежский период. Что же касается отдельных захоронений восточной группы Беловежского кочевнического могильника, где в могильной яме рядом с покойником были положены остатки коня (рис. 1), то это напоминает некоторые погребения в степях Северного Причерноморья, связываемые С. А. Плетневой с торками, где останки коня клали в засыпку могильной ямы, но сверху над покойником [Плетнева, 1981, с. 218, 262, рис. 85, 5].

Таким образом, можно вести разговор о том, что в конце X – в начале XI вв. в Белой Веже происходил процесс слияния родовых групп печенежского и торческого происхождения в одно целое, что нашло яркое отображение на восточной территориальной группе курганного могильника, где получили распространение разнообразные погребения, антропологические типы как монголоидов, такиевропеоидов. Аналогичные процессы происходили и в других уголках Евразийской степи, где появлялись огузы-торки. Если в Белой Веже на восточной, торческо-печенежской, части могильника мы встречаем много монголоидов южносибирского типа [Вуич, 1963, с. 420–445], то среди гузов Средней Азии в X в. получил распространение долихокранный европеоидный тип [Ошанин, 1926, с. 141]. Это можно объяснить тем, что в конце X в. в состав политического объединения огузов, которое состояло из 24 больших и малых племен [Рашид ад-дин, 1952, с. 80–91], вошли этнические группы различного происхождения, с разнообразными культурными традициями, которые со временем все стали говорить на тюркском языке огузской подгруппы и начали называть себя не только тюрками, но и огузами, сельджуками, и т. п. И нет ничего удивительного в том, что описанный Ибн Фадланом погребальный обряд знатного гуза [Ковалевский, 1956, с. 129] нашел лишь частичное отображение в погребальном обряде кочевников степей Восточной Европы в так называемый торческий период, который длился почти сто лет – с 965 г. по середину XI ст. Складывается впечатление, что в начале X в. арабский путешественник описал похоронную церемонию лишь одного, но господствующего, огузского племени.

Проведенные наблюдения над кочевниками времен Античности, Средневековья и Нового времени позволили выявить одну существенную закономерность – образование новых племен или союзов племен у кочевников представляет собой результат расселения предыдущих этнических групп населения степи с дальнейшим их включением в состав новых племенных

образований на правах родов, где роды или племена завоевателей занимали более высокую ступень в обществе, чем роды или племена, которые происходили из среды покоренного населения. При этом формирование новых племен или союзов племен, как правило, происходило вокруг одного рода или клана, название которого становилось племенным названием. Это находит отображение в родословных кочевников, где политические связи были представлены в виде родства, а покоренные племена и роды объявлялись младшими по происхождению. При этом языковая принадлежность у кочевников не играла ведущей роли – известны случаи, когда отдельные племена или объединения племен на протяжении недлительного времени меняли свой язык. Таким образом, основным доминирующим фактором в этногенезе кочевников являлась не языковая принадлежность, а маргинальность, которая проявлялась в наличии самосознания, отображением чего есть существование самоназвания.

В ситуации с кочевниками в Белой Веже мы видим, что в роли покоренного населения выступили местные так называемые „хазарские печенеги“, а в роли завоевателей – торки-огузы. Однако пришельцы не изгнали и не уничтожили своих предшественников, а включили одно из их родовых подразделений в состав формирующегося нового племенного объединения, что выразилось впоследствии в установлении матримональных связей между двумя родо-племенными группами торческого и печенежского происхождения. Свидетельством этого может являться восточный участок кочевнического могильника близ Белой Вежи, где присутствуют захоронения не только с различным погребальным обрядом, но и носители как двух антропологических типов – европеоиды-брахикраны среднеазиатского междуречья и монголоиды южносибирского типа, так и смешанные из двух предыдущих типов краниологические серии. Однако различия в погребальном обряде на восточной части могильника свидетельствуют о том, что процесс культурного симбиоза двух этнических групп не был еще завершен. Это стало возможным в более позднее время, когда печенеги и торки из района Белой Вежи переселились в Южную Русь.

Как уже отмечалось, „Повесть временных лет“ сообщает, что в 1116 г. „придоша в Русь к Володимиру Торци и Печенези“, а в следующем 1117 г. „придоша Беловежьци в Русь“ [Повесть

временных лет, 1960, с. 472–473]. В связи с этим С. А. Плетнева отметила довольно важный момент: «Большинство погребений, аналогичных беловежским, встречено... в Киевской обл., в Поросье (раскопки Н. Е. Бранденбурга). В поросских погребениях, как и в беловежских, основной формой удил являются удила без перегиба. Поросье с начала XI в. было заселено кочевыми племенами торков, печенегов и берендеев, поселившихся там с разрешения великого князя Киевского и объединенных впоследствии (в середине XII в.) под общим именем „черные клобуки“. Близкие этнически, эти племена, естественно, имели сходный, а может быть и одинаковый погребальный обряд. Черные клобуки были вассалами Киевского князя и играли большую роль во внутренней и внешней его политике» [Плетнева, 1963, с. 258]. Таким образом, имеются основания считать, что киевские князья могли поселить в Поросье для охраны от набегов половцев военизированные отряды торков и печенегов из района Белой Вежи, которые в новых условиях довольно быстро консолидировались в одно целое.

Однако следует напомнить наблюдения М.И. Артамонова относительно того, что часть населения хазарского Саркела, которая изначально располагалась в восточной, наименее доступной, части крепости, продолжительное время сохраняла пережитки кочевого быта. М. И. Артамонов считал, что эти кочевники составляли военный гарнизон крепости и могли оставить после себя, в отличие от салтовцев, не грунтовой, а курганный могильник [Артамонов, 1962, с. 308, 312]. Однако в одной из своих ранних работ С. А. Плетнева датировала самые ранние подкурганные захоронения вблизи Саркела лишь концом IX в. [Плетнева, 1963, с. 240–258], а Саркел, как известно, возник в первой половине IX в. Поэтому неясно, где могли хоронить умерших охранников Саркельской крепости в IX в.

Константин Багрянородный в начале 42-й главы своего сочинения «Об управлении империей» следующим образом описал ситуацию в первой половине X в.: «От понизовья реки Дунай, против Дистри начинается Пачинакия. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов, сменяемых ежегодно» [Константин, 1990, с. 170–171]. Как уже отмечалось, М. И. Артамонов так и не смог определить происхождение этого гарнизона и в соответствии этому не смог дать им культурную атрибуцию. Поэтому предположение о связи курганного могильника

с ранним гарнизоном хазарской крепости остается до сих пор лишь рабочей гипотезой [Артамонов, 1962, с. 308, 312]. Однако замечание Константина о том, что в первой половине X в. восточная граница кочевий печенегов достигала хазарского Саркела, позволяет именно с ними связать начало функционирования курганного могильника вблизи крепости.

В одной из своих ранних работ С. А. Плетнева отметила: «Окружавшие Саркел – Белую Вежу кочевники... являлись вассалами города – этим можно объяснить необычную близость могильника к городу, невозможную в случае, если бы кочевники были враждебны ему. Кочевники-вассалы появились у города еще в хазарские времена. Об этом говорит наличие погребений IX – начала X в., а также большое количество кочевнической керамики, обнаруженной на городище в хазарском слое. В IX – начале X в. это были, по всей вероятности, печенежские роды, вышедшие из так называемых „хазарских печенегов“, кочевавших в Приазовье. В русский период существования кочевническое, вассальное городу объединение продолжало существовать. Вполне вероятно, что оно пополнялось новыми родами гузов-торков, хлынувших во второй половине X в. в южнорусские степи.... Длительное время кочевники (как и в Поросье), жили вместе с оседлым населением. Зимовали они на городище, летом кочевали в окрестностях...» [Плетнева, 1963, с. 258–259].

Однако этнографические параллели из жизни более поздних кочевников свидетельствуют в пользу существования иной ситуации. Во-первых, Саркел вряд ли мог быть зимовником для «хазарских печенегов». Как уже отмечалось, анонимный автор «Худуд ал-печенегов» отметил, что во второй половине X в. «хазарские печенеги» «Алам» отметили, что во второй половине X в. «хазарские печенеги» проживали на север от северокавказских аланов [Minorsky, 1937, р. 160], т. е. их кочевья должны были располагаться южнее Саркела. Данные этнографии свидетельствуют о меридиональном кочевании кочевников Евразии: летом они уходят на север, а зимой – на южные пастбища. Во-вторых, исходя из свидетельств этнографического характера, можно говорить о том, что в кочевой степи отношения кочевников и жителей стационарных поселений отнюдь не характеризовались политическим доминированием последних. Так, в Аравии кочевники-бедуины традиционно занимали господствующее положение относительно земледельцев-феллахов, с которых они собирали не только дань, но и защищали их от набегов других

кочевников. Каждое кочевое племя имело свой населенный пункт, где кочевники обменивали продукцию животноводства на продукты земледельцев. Бедуины посещали такие поселения в определенное время года – мусабилла. Представители обедневших бедуинских родов могли оставаться жить в этих стационарных поселениях в степи [Бодянский, 1971, с. 85].

Таким образом, в интересующей нас ситуации было бы удивительно, если бы кочевые печенеги и торки-огузы не стремились прокладывать маршруты своих передвижений вблизи от Саркела, который мог являться не только крепостью, но и крупным экономическим центром. Следовательно, периодическое появление кочевников у стен города должно было диктоваться, в первую очередь, экономическими интересами. Именно это и способствовало тому, что кочевники надолго задерживались в городе, что и привело к значительной концентрации курганных захоронений вблизи стен Саркела – Белой Вежи. Не исключено, что в древнерусский период маршруты кочевий печенежских и торческих родов в определенное время года пересекались у стен города, что и привело к установлению между ними родственных связей, в результате чего появился общий (восточный) участок курганного могильника. Свидетельства же Константина Багрянородного о том, что в первой половине X в. восточная граница кочевий печенегов достигала хазарского Саркела, позволяет именно к этому времени отнести появление первых захоронений на западном участке некрополя, который уже разросся во второй половине X в., когда одно из печенежских племен поселилось в степях между Доном и Волгой. Безусловно, могильник в основном перестал функционировать после событий 1116–1117 гг., когда кочевавшие вблизи Белой Вежи торки и печенеги, а за ними и беловежцы, переселились на Русь.

Литература

- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
 Бодянский В. Л. Современный Кувейт. М., 1971.
 Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VII. СПб., 1856.
 Вуич Л. Г. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела – Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). №109. М., 1963.

- Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001.
 Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и „Книга Коркута“ // „Книга моего деда Коркута“. М.–Л., 1962.
 Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843.
 Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
 Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.
 Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т. I. СПб., 1872.
 Ляскоронский В. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897.
 Махмуд Кашгарлы. Дивану лугат ит-турк. Т. I. М., 1992.
 Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949.
 Ошанин Л. В. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения // Известия среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы. Вып. I. Ташкент, 1926.
 Патриаршая или Никонова летопись. Патриаршая Девятая // ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862.
 Плетнева С. А. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). №109. М., 1963.
 Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1981.
 Плетнева С. А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону. М., 1990.
 Плетнева С. А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфические исследования. Воронеж, 2006.
 Повесть временных лет / Под ред. Д. С. Лихачева. Ч. I. М.–Л., 1950.
 Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. Москва–Ленинград, 1952.
 Худуд ал-'Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
 Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
 Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский

временник. 1927. Т. 25. Л., 1928.

Minorsky V. *Hudud al-Alam. The regions of the world.* London-Oxford, 1937.

Pritsak O. *The Pechenegs. Case of Social and Economic transformation.* Cambridge Mass., 1976.

О.Б. Бубенок

**Курганный могильник у стін Саркела – Білої Вежі
(щодо обставин виникнення некрополя)**

Резюме

Порівняльний аналіз результатів археологічних і антропологічних досліджень з даними письмових джерел дозволяє пов'язати появу поховань на західній ділянці курганного могильника поблизу Саркельської фортеці з печенігами, а на східному – зі змішаним печенізько-торчеським населенням степу. Відповідно до того, західну ділянку варто датувати в основному X ст., а східну – XI ст. Доки немає підстав пов'язувати виникнення курганного могильника з гарнізоном хазарської фортеці Саркел. Цілком можливо, що поява курганного могильника була пов'язана із зацікавленістю кочівників у торговому обміні з жителями міста, і тому маршрути їхніх пересувань повинні були проходити поруч з Білою Вежею.

О.Б. Бубенок

**Курганный могильник у стін Саркела – Белой Вежи
(относительно обстоятельств возникновения некрополя)**

Резюме

Сопоставительный анализ результатов археологических и антропологических исследований с данными письменных источников позволяет связать появление захоронений на западном участке курганного могильника вблизи Саркельской крепости с печенегами, а на восточном – со смешанным печенежско-торчеським населением степи. Соответственно, западный участок следует датировать в

основном X в., а восточный – XI в. Пока нет оснований связывать возникновение курганного могильника с гарнизоном хазарской крепости Саркел. Вполне возможно, что появление курганного могильника было связано с заинтересованностью кочевников в торговом обмене с жителями города, и поэтому маршруты их передвижений должны были проходить рядом с Белой Вежей.

О.В. Бубенок

**The Tumuli near Sarkel - Belaya Vezha
(Concerning the Circumstance of Cemetery Forming)**

Summary

The comparative analysis of the archeological and physical anthropological investigations with the data of written sources allows to connect the appearing of burials on the western part Sarkel barrow cemetery with the Pechenegs and on the eastern one - with the mixed Pecheneg-Tork population of the steppe. Therefore the western part of cemetery could be created in X century AD and eastern one - in XI century AD. The data on the connection of Khazarian Sarkel's garrison with the cemetery are unknown. Maybe, the forming of tumuli cemetery reflected the interests of the Nomads in the trade with the town population. Therefore the routs of their travels must be near Belaya Vezha.